

УДК 316.7

Феномен скоморошества в современной российской культуре

Отхмезури Анна Георгиевна

Аспирант,

Гуманитарный институт телевидения и радиовещания,
123007, Российская Федерация, Москва, Хорошевское шоссе, 2А;
e-mail: otхмезури@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования является концепт инструментализации прослеживающийся в развитии современной смеховой культуры на примере клуба веселых и находчивых (КВН), основанный на использовании комплекса базовых архетипических конструкций, сформировавшихся в рамках феномена скоморошества, по мнению автора, повлиявшего на трансформацию современной российской культуры. Автор при этом концентрирует внимание на исторической ретроспективе развития рассматриваемого феномена, выделяя базовые конструкции в почти неизменном виде сохранившееся в реалиях современной смеховой традиции, демонстрируя тем самым значительную степень линейности в развитии данного явления. Методологической основой исследования служат принципы историзма и объективности, что предполагает непредвзятый подход к анализу проблемы инструментализации использования концепта антимира, прослеживающийся в развитии современной смеховой культуры, в частности в феномене КВН. Новизна исследования сводится к демонстрации прямого заимствования (инструментализации) основных принципов социокультурной коммуникации, окончательно сформировавшихся на Руси в эпоху позднего средневековья и его трансформации в эпоху становления информационной цивилизации. В результате анализа обозначенной проблемы автор пришел к следующему выводу: обладая способностью к саморазвитию в качестве особого многоканального коммуникационного механизма, КВН, являющийся дальнейшим развитием многогранного феномена скоморошества, как особой формы культурного ландшафта, демонстрирует жизнеспособность российской культурной традиции в эпоху глобализации, создавая особое социокультурное пространство обеспечивающее углубление межкультурного диалога на постсоветском пространстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Отхмезури А.В. Феномен скоморошества в современной российской культуре // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 6А. С. 275-281.

Ключевые слова

Феномен, смеховая культура, скоморохи, авансцена, КВН, культурный ландшафт, массовый досуг.

Введение

Феномен праздничной культуры, которую М.М.Бахтин [Бахтин, 1990] рассматривал в качестве особого карнавального типа, являются неотъемлемой частью развития европейской цивилизации во всей ретроспективе ее развития. Вполне уместным будет трактовать данный феномен в качестве универсальной категории, особом концепте, включающим в себя ряд архетипических конструкций, обеспечивающих успешную трансформацию массового сознания, открывая новые перспективы в развитии всего социального механизма, за счет эффекта обратной логики [там же].

Философские аспекты данного феномена, который приемлемо трактовать в качестве культуuroобразующего фактора, обеспечивающего «реконструкцию» культурных ландшафтов, рассматривал весьма широкий спектр авторов, среди которых особо стоит выделить таких как: Н. Евреинов, А.Ф. Некрылова, Д.М. Генкин, А.А. Конович, А.С. Фаминцын, А.И. Чечетин, И.Г. Шароев и ряд прочих, выделяя исключительную роль юмора в рамках выделенного нами глобального процесса.

Подобного рода аспекты представляются нам в высшей степени актуальными, в силу чего мы концентрируем внимание на демонстрации прямого заимствования (инструментализации) основных принципов социокультурной коммуникации, окончательно сформировавшихся на Руси в эпоху позднего средневековья и его трансформации в эпоху становления информационной цивилизации.

Традиции Смеховой культуры

На протяжении всего существования русской культурной традиции особую роль в ней играла самобытная смеховая традиция, которая, по нашему мнению, непрерывно видоизменялась на основе эффекта инструментализации предыдущего опыта, сохраняя в своей основе принципы, оформившиеся еще в период этногенеза. Это позволяет предположить, что в его развитии можно выделить несколько ключевых этапов проецируемых в современной российской культуре. Наиболее яркой из подобных вех развития является феномен скоморошества.

Это явление имеет богатейшие исторические корни, причем его уникальность связана с его мощнейшей синтетической основой его природы. Их можно сравнить с «вагантами» или же «миннезингерами», по тому влиянию, которое они оказывали на эмоциональный мир представителей различных сословий древнерусского общества. С одной стороны, в их деятельности прослеживается классический архетип «трикстера», сочетающейся с образами «мудреца», «странника» и «зверя», преломляемый уже упомянутой обратной логикой. Наряду с классическими пародийными образами активно применялся эффект бурлеска, сопровождаемого активным музицированием пародийного характера.

Важной особенностью выступлений скоморохов был довольно высокий уровень импровизации. В целом демонстрируемая ими «обрядовая травестия, представляющая собой одну из форм хорошо известного каждой традиционной культуре «антиповедения» [Успенский, 1994] включает в себя также сакрализацию сил природы, поощряемых образцов поведения. В то же время она несла в себе элемент оппозиционности, что выражалось в абсолютизации социальной справедливости. В силу подобных обстоятельств в первую очередь духовные власти трактовали скоморошество как «елинские прелести», порождающие соблазны и смуту в

сознании мирян. Огромную роль в традиции скоморошеской интерпретации тех или иных событий играла сатира. Как подчеркивал Ф. Шиллер, выделивший ее в качестве специфической эстетической категории, «... в сатире действительность как некое несовершенство противопоставляется идеалу, как высшей реальности», что выражалось в виде «антиидеала» имеющего социальные коннотации. Бескомпромиссность суждений о предмете осмеяния, откровенная тенденциозность, присущие именно сатире, как способ выражения авторской индивидуальности, стремящийся установить непреходимую границу между собственным миром и предметом обличения, и «...силой субъективных выдумок, молниеносных мыслей, поразительных способов трактовки разложить все то, что хочет сделаться объективным и приобрести прочный образ действительности...» [Гегель, 1969].

В рамках Стоглавого Собора упоминается активность скоморохов, к которым власть относится с недоверием, но первоначально не предпринимает каких-либо репрессивных мер. И все же в документе зафиксировано следующее: «Да по дальним странам ходят скоморохи совокупя ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти, и до ста человек и по деревням у крестьян сильно ядят и пьют и из клетей животы грабят, а по дорогам разбивают» [Российское законодательство..., 1995]. Тем ни менее и по прошествии почти столетия Адам Олеарий довольно благосклонно описывает их представления в своем путешествии в Московию, судя по всему видя в них русский вариант вагантов или комедии дель арте (dell'arte): «Здесь мы услышали первую русскую музыку <...>, явились двое русских с лютнею и скрипкою, чтобы позабавить господ [послов]. Они пели и играли про великого государя и царя Михаила Федоровича; заметив, что нам это понравилось, они сюда прибавили еще увеселение танцами, показывая разные способы танцев, употребительные как у женщин, так и у мужчин» [Олеарий, 1906]. В его описаниях присутствуют и такие характеристики: «Срамные дела уличные скрипачи воспевают всенародно на улицах, другие же комедианты показывают их в своих кукольных представлениях за деньги простонародной молодежи и даже детям, а вожаки медведей имеют при себе таких комедиантов, которые, между прочим, тотчас же могут представить какую-нибудь шутку или шалость, как... голландцы с помощью кукол. Для этого они обвязывают вокруг тела простыню, поднимают свободную ее сторону вверх и устраивают над головой нечто вроде сцены, с которой они и ходят по улицам и показывают на ней из кукол разные представления». Как раз именно в этот период всесильный патриарх Филарет боролся со скоморохами, обвиняя последних в участии в «сатанинских игрищах», таким образом он именовал пьяные гуляния, продолжавшие традицию языческих тризн. Еще в эпоху Ивана Грозного по этому поводу писалось: «в Троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужики и жены и плачутся по гробом с великим кричаньем. И егда начнут играти скоморохи гудци и перегудницы, они же, от плача преставшее, начнут скакати и плясати и долони бити и песни сотонинские пети...» [Российское законодательство..., 1995].

Для скоморохов действительно характерно активное использование обценной (нецензурной) лексики, что связано с акцентом на антиповедение. В то же время для представителей низших слоев подобного рода взаимодействие было весьма распространенным. «Место мата в поэтической системе русского фольклора, как и русской литературе в целом, весьма значительно» [Смолицкая, 1989].

О повсеместном распространении нецензурной брани у русских в XVI веке Адам Олеарий пишет следующее: «При вспышках гнева и при ругани они не пользуются слишком, к сожалению, у нас распространенными проклятиями и пожеланиями... Вместо этого у них употребительны многие постыдные, гнусные слова и насмешки, которых я — если бы того не

требовало историческое повествование — никогда не сообщил бы целомудренным ушам... Говорят их не только взрослые и старые, но и малые дети, еще не умеющие назвать ни Бога, ни отца, ни мать...» [Олеарий, 1906].

Подобную популярность экспрессивной фразеологии связана с повсеместным насаждением книжного языка, что ведет к обратному эффекту. Как подчеркивал по этому поводу Ю.М. Лотман: «Литература, стремящаяся к строгой нормализации, нуждается в отверженной, неофициальной словесности и сама ее создает», формируя эффект культурной бинарности. Стоит обратить внимание, что комические эффекты из вышепредставленного описания возникают в результате превращения традиционного, ожидаемого — в собственную противоположность — в сниженное, уродливое, сброшенное с пьедестала значительности [Юрков, 2003].

Скоморох действует в одном и том же смеховом «топосе», сопоставлении объекта с его собственным образом, но представленным как бы в кривом зеркале, искаженным, тот же самый план видения, но под другим углом зрения. Потому в его поведении нет признаков непредсказуемости (она может быть обеспечена лишь обладанием смыслом иным, трансцендентным в отношении существующего), скоморох, как и полагается «дураку», полностью предсказуем [там же]. Соответственно скоморошество как особое интеллектуальное поле, наполненное гротескными символами и архетипическими конструктами стало своеобразным субстратом национальной смеховой традиции, зафиксированной в массовом сознании. Его адаптации можно обнаружить в творениях эпохи Золотого века, однако полное свое открытие она получает в реалиях начала эпохи информатизации в СССР — в эру становления массового телевидения, и проявляется феномен инструментализации базовых принципов «скоморошеской традиции», что прослеживается, по нашему мнению, в таком феномене как КВН.

Стоит обратить внимание, что КВН как социальное и культурное явление, представленное в виде особого информационного пространства, который приемлемо трактовать в качестве локального культурного ландшафта, довольно активно рассматривался целым рядом исследователей. Среди них особо стоит выделить С. Янишевского [Янишевский, 2004] и М. Ковалева [Ковалев, 2004], а также работы таких исследователей как А. Генис, П. Вайль, М. Юнисов [Генис, 1997; Вайль, 1996], демонстрирующим КВН в качестве особого культурного феномена. Общепринятой считается точка зрения, трактующая данное явление в качестве особого коммуникационного социокультурного пространства. При этом мы в полной мере не согласны с мнением, что присутствует лишь определенная преемственность в развитии русской смеховой культуры — феномене скоморошества и развитии КВН. Мы полагаем, что имеет место факт прямой инструментализации, без оттенка опосредованности, то есть наличия прямой линии развития, основанной на сохранении в массовом сознании комплексного набора ментальных стереотипов архетипической природы, что обеспечивает реализацию описанного нами эффекта.

КВН, являясь в первую очередь формой общедоступного массового досуга, обеспечивает трансформацию собственного информационного пространства за счет исключительной гибкости, позволяющей обеспечить его локальное видоизменение на основе требований новой мировоззренческой парадигмы. Удачное сочетание константной основы и меняющихся атрибутов позволяет КВН оставаться востребованной формой современной смеховой культуры за счет использования целого ряда эффектов:

1. Активное использование различных элементов антимира реализуемых за счет

использование бурлеска и гротескных сравнений. Они дополняются значительной долей иронии, доходящей в ряде случаев до полной бескомпромиссности. Все эти элементы создают особую энергетику, вносящую в диалог между зрителем и залом особые коннотации, аналогичные тем, что можно было проследить во время выступлений «уличного театра скоморохов». Высокая доля импровизации, использование самоиронии элементов лицедейства и в ряде случаев элементов обценной лексики, или же намек на оную позволяют проводить подобное сравнение.

2. Особое использование эффекта пространства, стремление к снятию ограничений, что в рамках прошлого столетия привело к активному использованию авансены, и позволило усилить большую часть эффектов, описанных ранее. Вместе с этим «открытое пространство» усиливает процесс коммуникации, в рамках которого кроме всего прочего стираются национальные рамки для носителей соответствующей ментальной традиции. Вместе с этим, применяя ширмы, артисты наоборот ограничивают пространство, применяя технологии, отработанные средневековым русским балаганным театром.

3. Высокий уровень интерактивности выступления, основанный на вовлечении зрителя в действие подобное «карнавальному», частично разрывающее его связь с действительностью. Соответственно эффект неожиданности, открывающий массу возможностей интерпретации позволяет добиться «инновационного представления» даже тривиального сюжета.

4. Использование эффекта инновационности за счет намеренного использования адаптации к условиям, с одной стороны с другой же за счет эксплуатации сиюминутных социальных, политических, культурных ситуаций актуальным на момент демонстрации. При этом можно обнаружить и апелляцию к авторитетам, что служит цели особого декорирования описываемой проблемы, зачастую имеющей социально-философские коннотации.

5. Важной особенностью КВН является максимизация эксплуатации речевых возможностей национального языка, что можно рассматривать в качестве стимула развития новых речевых конструкций. Наблюдается особый эффект кодирования, что характерно для любого коммуникативного процесса, позволяющего не только интегрировать, но и сохранять традиции национального языка, что в условиях современного мультикультурного общества является в высшей степени важным.

Заключение

В результате анализа обозначенной проблемы автор пришел к следующему выводу: обладая способностью к саморазвитию в качестве особого многоканального коммуникационного механизма, КВН, являющийся дальнейшим развитием многогранного феномена скоморошества как особой форы культурного ландшафта, демонстрирует жизнеспособность российской культурной традиции в эпоху глобализации, создавая особое социокультурное пространство, обеспечивающее углубление межкультурного диалога на постсоветском пространстве.

Библиография

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
2. Вайль П. Генис А. 60-е. Мир советского человека Текст. М.: НЛО, 1996.
3. Гегель Ф. Эстетика. М., 1969. Т. 2. 368 с.
4. Генис А. Вавилонская башня. М., 1997. 256 с.
5. Ковалев М.Н. КВН (Клуб веселых и находчивых) как социокультурное явление современной России: дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 139 с.

6. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 582 с.
7. Российское законодательство X-XX веков. М., 1995. Т. 2. С.308.
8. Смолицкая О.В. Семантика мата и проблема семантического ядра частушки // Русская альтернативная поэзия XX в. М., 1989. 84 с.
9. Успенский Б.А. Заветные сказки А.Н. Афанасьева // Избранные труды. М., 1994. Т. 2. С. 129-150.
10. Юнисов М.В. Мифопоэтика студенческого смеха (СТЭМ и КВН). М., 1999. 176 с.
11. Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб., 2003. С. 177-187.
12. Янішевський С.О. КВН як соціокультурне явище: генеза, історія розвитку, сучасний стан: дис. канд. ... истор. наук. Киев, 2004. 160 с.

The phenomenon of buffoonery in modern Russian culture

Anna G. Otkhmezuri

Postgraduate,
Institute of Cinema and Television,
123007, 2A Khoroshevskoe highway, Moscow, Russian Federation;
otxmezyri@mail.ru

Abstract

The subject of this study is the concept of instrumentalization that can be tracked in the development of modern humor culture on the example of the club of cheerful and savvy (KVN), based on the use of the complex underlying archetypal structures formed in the framework of the phenomenon of *skomoroshestvo*, that influenced the transformation of modern Russian culture. The author also focuses on the historical retrospective of the development of the phenomenon that is under research, highlighting the basic structures saved almost in unchangeable state in the realities of modern humor tradition, thus demonstrating a significant degree of a linear effect in the development of this phenomenon. The principles of historicism and objectivity lie at the methodology of the research, which assumes an unbiased approach to the analysis of the problem of the instrumentalization of the use of the concept of anti-world, tracked in the development of the modern humor culture. The novelty of the study is to demonstrate the direct adaptation of the basic principles of social and cultural communication that was finally formed in Russia in the late middle period and its transformation in the era of information epoch. The results of the research showed that having the ability to self-development as a special multi-channel communication mechanism, KVN as a further development step of the broad phenomenon of buffoonery demonstrates the viability of the Russian culture tradition in the era of globalization, creating a special social space to ensure the deep intercultural dialogue in the post-Soviet space.

For citation

Otkhmezuri A.G. (2017) Fenomen skomoroshestva v sovremennoi rossiiskoi kul'ture [The phenomenon of buffoonery in modern Russian culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (6A), pp. 275-281.

Keywords

Phenomenon, laughing culture, buffoons, proscenium, KVN, cultural landscape, mass leisure time.

References

1. Bakhtin M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow.
2. Gegel F. (1969) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow. Vol. 2.
3. Genis A. (1997) *Vavilonskaya bashnya* [The Tower of Babel]. Moscow.
4. Kovalev M.N. (2004) *KVN (Klub veselykh i nakhodchivyykh) kak sotsiokul'turnoe yavlenie sovremennoi Rossii. Doct. Dis.* [Club of merry and resourceful] as a sociocultural phenomenon of modern Russia. Doct. Dis.]. Moscow.
5. Olearii A. (1906) *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of the trip to Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. St. Petersburg.
6. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov* [Russian legislation of the X-XX centuries]. Moscow. Vol. 2.
7. Smolitskaya O.V. (1989) Semantika mata i problema semanticheskogo yadra chastushki [Semantics of the mat and the problem of the semantic core of the chastushka]. In: *Russkaya al'ternativnaya poeziya XX v* [Russian alternative poetry of the XX century]. Moscow.
8. Uspenskii B.A. (1994) *Zavetnye skazki A.N. Afanas'eva* [Treasured tales of A.N. Afanasiev]. In: *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Vol. 2.
9. Wile P. (1996) *Genis A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka Tekst* [The 60th. The world of the Soviet man Tex]. Moscow: NLO Publ.
10. Yanishevs'kii S.O. (2004) *KVN yak sotsiokul'turne yavishche: geneza, istoriya rozvitku, suchasni stan. Doct. Dis.* [KVN as a sociocultural phenomenon: genesis, history of development, modern state. Doct. Dis.]. Kiev.
11. Yunisov M.V. (1999) *Mifopoetika studencheskogo smekha (STEM i KVN)* [Mythopoetics of student laughter (STEM and KVN)]. Moscow.
12. Yurkov S.E. (2003) *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoi kul'ture (XI-nachalo KhKh vv.)* [Under the sign of the grotesque: antipodesy in Russian culture (XI-early XX centuries)]. St. Petersburg.